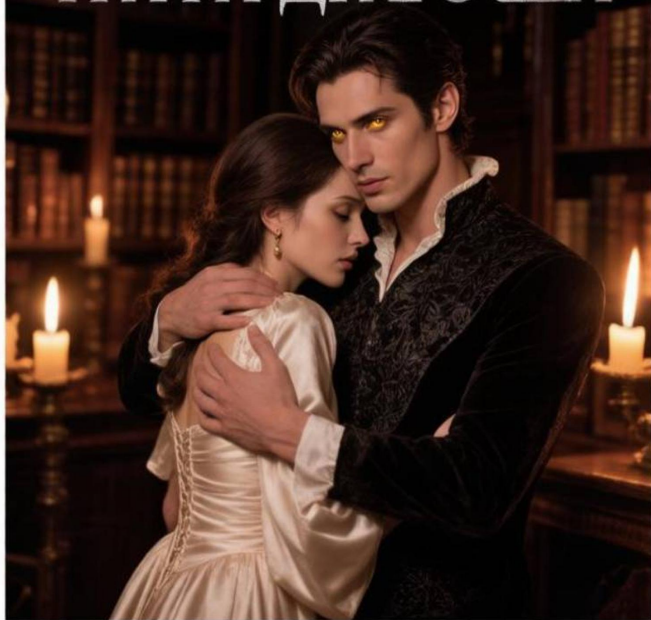

НЕВЕСТА ДЛЯ ПРОКЛЯТОГО ГРАФА ДРАГОУША

18+

Элина Кова

Невеста для проклятого графа Драгоша

<https://litres.ru/74570542>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она приехала в Валахию как пешка в политической игре. Он держит ключи от самой неприступной крепости страны.

Когда карета Арабеллы разбивается у ворот замка Поенарь, она становится гостьей графа Драга — человека, чье имя шепотом произносят в темных переулках Бухареста. Днем он — могущественный господарь, ночью — монстр, терзаемый голодом. Пока вокруг них плетут заговор старые враги рода Басарабов, между пленницей и тюремщиком вспыхивает опасное притяжение. Сможет ли англичанка разгадать тайну проклятия Драгоша прежде, чем их обоих поглотит тьма, или цена спасения окажется страшнее смерти?

Содержание

Глава 1. Засушенный вереск и разбитый экипаж	4
Глава 2. Эхо пустого сердца	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Элина Кова

Невеста для проклятого графа Драгоша

Глава 1. Засушенный вереск и разбитый экипаж

Лондон, июнь 1892 года.

Запах нагретого воска и увядающих пионов в вазе душил Арабеллу Уиттакер. Она стояла посреди гостиной родительского дома на Итон-сквер — комнаты, которая еще утром казалась ей преддверием рая, а теперь превратились в операционную без анестезии.

Эдвард Фицуильям сидел в кресле у незажженного камина. На его коленях лежала распечатанная телеграмма из Сити. Он был безупречен: темный сюртук стянут идеальными швами, галстук повязан узлом «четыре руки». Идеальный фасад лондонского денди.

— Мне бесконечно жаль, Белла, — произнес он ту самую фразу, с которой начинаются все катастрофы. Его голос не дрогнул ни на полтона. — Поверенный вашего отца прислал письмо сегодня утром. Займы мистера Уиттакера... Банк тре-

бует немедленного погашения активов. Мой отец аннулирует нашу предварительную договоренность о браке. Мы породнимся с Хейстингсами. Уголь и сталь, моя дорогая. Там нет долгов, только холодный расчет.

Он говорил это так, словно сообщал об отмене оперетты из-за легкой простуды примадонны. Три месяца ухаживаний, тайные прикосновения рук в Гайд-парке, разговоры о будущем поместье в Суррее — всё оказалось лишь строчкой в гроссбухе торгового флота.

Арабелла посмотрела на свою левую руку. Где-то в сафьяновой шкатулке в ее спальне покоилось кольцо с аквамаринном, которое Эдвард надел ей всего десять дней назад.

— Я пришлю кольцо с лакеем, — выдавила она.

— Не утруждайтесь, — Эдвард позволил себе тень снисходительной улыбки. — Оставьте как память. Вы же такая чувствительная натура. Рисуете свои вечные туманы...

Это было ударом ниже пояса. Он высмеивал ее страсть — единственное, что принадлежало только ей. Ее пейзажи для него всегда были лишь милым дамским хобби, способом скоротать время до замужества.

Не говоря ни слова, Арабелла подошла к круглому столу, где под стеклянным колпаком на бархатной подушке лежал засушенный цветок горного вереска. Тот самый, который они сорвали в Йоркшире, когда он впервые прошептал, что хочет провести с ней вечность. Резкий взмах затянутой в перчатку рукой. Стекло со звоном осыпалось на паркет, раз-

летевшись на тысячу острых брызгов. Сухой стебелек хрустнул под тонким кожаным мысом ее ботинка.

— Вы жалкое ничтожество, Эдвард, — тихо сказала она, глядя прямо в его холодные голубые глаза. — Дешевое, расчётливое ничтожество в пошитом на заказ жилете.

Она развернулась и вышла из гостиной, оставив его сидеть среди запаха мертвых цветов и собственного банкротства чести.

Вечером состоялся разговор в кабинете отца. Мистер Уиттакер, обычно громогласный весельчак, выглядел так, словно за один день постарел на двадцать лет. Мать беззвучно комкала платок в углу дивана.

— Мы разорены, Белли, — хрипло начал отец. — Полный крах. Биржа поглотила всё. Эти чертовы акции железных дорог оказались мыльным пузырем. У нас остался этот дом, мебель и титул, который нельзя съесть. Твой дядя Уильям согласился приютить тебя в своем доме в Кенте. Ты будешь компаньонкой при его больной жене. Это достойная участь.

Достойная участь. Элегантное название для социальной смерти. Быть бесплатной нянькой при вечно недовольной супруге дяди Уильяма.

Когда мать ушла спать, сославшись на невыносимую мигрень, Арабелла вернулась к отцу.

— Папа, посмотри на меня.

Джонатан Уиттакер поднял воспаленные, красные глаза.

— Я не поеду к дяде Уильяму в Кент, — голос Арабеллы звучал пугающе ровно. — Я еду в Валахию.

Отец решил, что ослышался:

— Куда? В Румынию? Господь с тобой! Там лихорадка и дикари!

— Княжества объединились, папа. Теперь это Объединенные Румынские земли. Коронация Кароля I прошла три года назад. Я продам мамины сапфиры. Те самые, фамильные. Этих денег хватит на билеты первого класса через всю Европу до Бухареста. Со мной поедет тетя Гертруда.

— Твоя тетя Гертруда? Да она считает поездку в Брайтон экспедицией к каннибалам, и зачем тебе сдался этот синий чулок?

— Ей нужен целебный воздух, — солгала Арабелла. — А мне нужны новые горизонты. Английская провинция исхожена вдоль и поперек Тернером. Все рисуют одни и те же дубы. А я хочу писать первобытные горы. Издательский дом «Сэмпсон и Лоу» ищет экзотику для рождественского альманаха живописи. Они готовы авансировать серию валашских пейзажей уже сейчас.

Мистер Уиттакер смотрел на дочь долго, тяжело. Он видел перед собой не сломленную девушку, а незнакомку с абсолютно прямым взглядом художницы.

— Ты бежишь от Эдварда.

— Я уезжаю работать. Разница в том, что Фицуильям променял меня на деньги. Я же еду зарабатывать то, чего у меня

никто не сможет отнять. Имя на холсте. Если вы любите меня, папа, подпишите мое прошение на паспорт завтра же.

В кабинете повисла тишина. Джонатан Уиттакер медленно достал серебряную фляжку, налил бренди, выпил залпом.

— Сапфиры возьми, — буркнул он. — И ради бога, Белли... держись подальше от лесов. Говорят, волки там размером с теленка.

Три недели спустя колеса дилижанса стучали по валашской грязи.

Тетушка Гертруда Уиттакер страдала всю дорогу. Кислый вид местной воды и отсутствие свежих сливок сделали ее желчной, как уксус.

— Белла, умоляю, — ныла она, кутаясь в пыльник. — Здесь даже солнца нет, одна сырая мгла! Нас зарежут цыгане ради моих пуговиц! Почему мы просто не могли поехать лечиться в Харрогейт?

— Потому что в Харрогейте пахнет сероводородом и старостью, тетя, — ответила Арабелла, глядя в окно. — А здесь пахнет свободой.

За стеклом проплывала готика во плоти: черные скалы и силуэт замка на вершине.

На перевале экипаж резко дернуло. Передние лошади захрапели, пятясь от края ущелья.

— Господи, мы сорвемся! — взвизгнула Гертруда.

Из густого, плотного как расплавленный свинец, тумана

возникла фигура всадника. Черный жеребец переступал ногами по краю бездны. Мужчина спешил. Земля содрогнулась.

Его звали Радугу Драгош. Высокий, широкоплечий, в тяжелом пальто цвета запекшейся крови. Темные волосы намокли от измороси. Но когда его янтарные глаза нашли Арабеллу сквозь мутное стекло дверцы экипажа, в них мелькнуло нечто похожее на удар тока.

— Добрый вечер, дамы, — его английский был безупречен, но бархат голоса царапался о невидимые шипы. — Старый мост рухнул. Дорога перекрыта оползнем. Мой замок — единственный очаг тепла на пять миль вокруг. Буду рад предложить вам кров. Путников после заката в этих горах имеют дурную привычку съедать. Буквально.

Гертруда начала лепетать извинения, но Радугу смотрел только на Арабеллу.

Арабелла попыталась выйти сама. Ботинок соскользнул с мокрой подножки. Мир накренился.

И сильные пальцы сомкнулись на ее запястье.

Ощущение было похоже на падение в прорубь. Его кожа источала могильный холод. Любой нормальный человек должен был отпрянуть. Вместо этого тело Арабеллы отозвалось жаром, вспыхнувшим глубоко внизу живота. Контраст мертвого льда и ее пульсирующего тепла вызвал головокружение. Она подняла глаза.

Их лица оказались в дюйме друг от друга. Под его расстег-

нутым пальто царила абсолютная тишина. Сердце не билось.

— Осторожнее, мисс Уиттакер, — прошептал он, притягивая ее к себе окончательно. От него пахло дождем, старой кожей и чем-то металлическим. — Если вы упадете, мне придется нести вас на руках. А мои руки сегодня немного заняты удержанием вашей репутации.

Он посадил ее в седло одним плавным движением хищника. Арабелла оказалась прижатой спиной к его груди. Одна его рука стальной лентой перехватила ее талию.

— Держитесь за меня, — приказал он. — Крепче.

И Арабелла инстинктивно положила свои дрожащие ладони поверх его руки. Переплела свои теплые пальцы с его ледяными.

Замок возник из тумана внезапно. Черная махина камня. Когда тяжелые ворота закрылись за их спинами, отрезая путь обратно в серый Лондон, Раду заговорил ей на ухо:

— Добро пожаловать в мое логово, мисс Уиттакер. Надеюсь, вы не боитесь сквозняков. Здесь их в избытке.

Раду оставил их у подножия лестницы из четырнадцати сотен ступеней, вырубленных прямо в скале — той самой древней тропы Поенаря, которую боялись даже местные пастухи.

— Дальше ваша родственница должна подняться сама, — холодно бросил он кучеру. — Или мои люди отнесут ее вещи прямо отсюда в деревню. Мне лестница нужна для дозора.

Пока Арабелла исчезала во тьме донжона, леди Гертруда разворачивала военную кампанию против Валахии прямо посреди двора.

— Я требую немедленной аудиенции! — чеканила она, стуча зонтиком-тростью по сундуку. — Моя племянница — юная леди, а не маркитантка! Мне нужны грелки для постели, кипяток и чайник хорошего лапсанг сушонга. От местного воздуха у меня начнется головная боль!

Главный мажордом Раду — седой воин Ион со шрамом через бровь — смотрел на нее так, словно пытался понять, ядовитая она змея или несъедобный гриб.

— Господарь ужинает, мэм, — пророкотал Ион. — Ест фазана. Велел передать... вам тоже имеется еда. Каша. Мясо.

— Каша?! — Гертруда поперхнулась. — Несите бульон. Прозрачный. И скажите своему князю, что если завтра утром в моей комнате не будет горячей воды, я напишу жалобу королеве Виктории!

В этот момент из тени арки вышел сам Раду. Он сменил дорожное пальто на куртку из черного бархата. На поясе висела сабля.

Он остановился в трех шагах, медленно обвел взглядом ее шляпку с искусственными вишенками и багровое лицо. Затем принялся.

— Пахнет лавандовым мылом и истерикой, — констатировал Раду. — Добрый вечер, миссис Уиттакер. Надеюсь, подъем прошел бодряще?

Гертруда вскочила на ноги.

— Ваша крепость — это насмешка над архитектурой! А ступени убьют мою девочку! У нее слабые легкие!

— Если они настолько слабы, высокогорный воздух Пое-наря либо убьет ее окончательно, либо сделает бессмертной, — пожал плечами Раду. — Весьма эффективный метод лечения. Что касается быта: свечей у вас будет в избытке. Вода греется в котле на кухне. Если вашей племяннице нужен личный лакей, чтобы подавать ночную вазу — научите кричать погромче. Мои стены толстые, но слух у меня отменный.

Он повернулся к Иону:

— Гостью поселить в Южные покои. Пусть полюбуется звездами. Старуху рядом с казармой стражи — там теплее всего от дыхания солдат. Ужин подать им через час. Подгорелый хлеб и кислое вино отлично лечат английскую спесь.

Не дожидаясь ответа, Раду развернулся и пошел обратно к лестнице, ведущей в его башню.

Гертруда стояла с открытым ртом. Когда фигура господаря скрылась во мраке, она захлопнула челюсти и прошипела:

— Невероятный хам. Настоящий варвар.

Но старая лиса Уиттакер сделала мысленную пометку: «Янтарные глаза. Взгляд убийцы. Но кажется, моя девочка ему явно не по зубам. Скорее, она собирается стать десертом».

Глава 2. Эхо пустого сердца

Южные покои оказались ледяной пещерой, задрапированной в бархат. Огромная кровать под балдахином из черного дерева могла бы вместить целую семью, но от нее веяло склепом. Единственное окно выходило прямо на ущелье Арджеш. Ветер завывал в каменной кладке так тоскливо, что Арабелле казалось, будто сам замок оплакивает своих мертвых.

Тетушка Гертруда уже заняла соседнюю комнату — ту самую, у казарм — и оттуда доносился ее возмущенный бас, требующий грелки для ног.

Арабелла осталась одна. Она сбросила пыльное дорожное платье, оставшись в тонкой батистовой сорочке. Кожа горела там, где к ней прижималась грудь Раду Драгоша. Этот холод... Он не был просто прохладой осеннего вечера. Это была температура дна могилы. Но вместо того чтобы вызвать омерзение, воспоминание об этом льде заставило соски Арабеллы болезненно напрячься под тканью.

Чтобы сбежать от этих предательских мыслей, она достала походный этюдник. Ей нужен был свет. Она распахнула ставни, впуская в комнату сырой туман и запах хвои. Луна висела над горами — огромная, желтая, похожая на глаз слепого бога.

Она делала быстрый набросок пейзажа. Набрасывала ост-

рые пики скал, темную ленту реки внизу. Но рука перестала слушаться. Уголь в пальцах самопроизвольно менял направление. Вместо камней на грубой бумаге проступали жесткие линии скул, тень от носа и яростный, нечеловеческий разрез янтарных глаз.

— Господи, да ты совсем замерзла, дитя, — раздался за спиной тихий голос.

Арабелла вздрогнула, роняя уголь. У двери стояла Илеана — местная служанка лет двадцати, круглолицая, с длинной черной косой, перекинутой через плечо. В руках она держала стопку тяжелых полотенец и медный кувшин, от которого шел пар.

— Господарь распорядился приготовить ванну, — пояснила девушка, бесшумно проходя к ширме в углу. — Он сказал, английская леди будет мерзнуть без своей овсянки и чайников.

Илеана говорила по-английски с певучим акцентом, глотая окончания. Пока она устанавливала тяжелую медную лопхань, Арабелла рассматривала ее профиль.

— Ты давно здесь служишь? — спросила она, кутаясь в шерстяную шаль.

— С детства, — ответила Илеана, ловко прилаживая латунный кран к баку с горячей водой. — Господарь нашел меня в деревне после османского набега. Мои родители... их больше нет. Он дал мне дом.

В ее голосе не было страха перед господином. Только глу-

хое, почти животное благоговение. Девушка подошла ближе, словно боясь, что камни услышат.

— Говорят, он никогда не спит, — прошептала она. — И сердце его молчит. Замок Поенарь стоит только потому, что господарь держит его на своих плечах каждую ночь. Если вы пришли сюда искать правду, лучше ищите путь обратно в Лондон. Правда здесь убивает быстрее турецкого кинжала.

Когда ванна наполнилась, Илеана вышла, оставив Арабеллу наедине с клубами пара. Вода была обжигающей. Арабелла медленно погрузилась в медное нутро лохани. Жар охватил тело, смывая дорожную грязь и лондонскую тоску. Она откинула голову на край, закрыв глаза.

Но вода не смыла память о прикосновении. Наоборот, контраст между кипящей ванной и воображаемым льдом его пальцев стал невыносимым. Она провела рукой по шее, туда, где случайно касались его губы, когда они ехали в замок. Место еще помнило холод. Сердце пропустило удар, а затем забилося вдвое быстрее, гоняя кровь к щекам.

«Ты сходишь с ума, Белла, — сказала она себе. — Тебя спас мужчина, который признался, что путников здесь едят. Наслаждайся горячей водой, пока твои кости не бросили собакам».

Пока внизу согревалась англичанка, Раду стоял в главной башне. Его апартаменты отличались от комнат гостей так же, как волчье логово отличается от кукольного домика. Ника-

кого резного дерева. Только серый камень, шкуры медведей на полу и огромный дубовый стол, заваленный картами Валахии, исчерканными военными планами.

Он бросил в кресло пропитанное дождем пальто. Плеснул в серебряный кубок густого красного вина. Поднес к губам, но пить не стал. Запах винограда лишь раздражал рецепторы, напоминая о том, чего он лишен столетиями. Настоящая кровь пульсировала сейчас в двух этажах под ним. Теплая, солоноватая, испуганная. Кровь Арабеллы Уиттакер.

Слуга принес поднос: жареный фазан, хлеб, сыр. От запаха горячего мяса рот наполнился ядовитой слюной, а клыки заныли, удлиняясь. Вампирский голод — это не урчание в животе. Это кислота, разъедающая внутренности, безумие, застилающее глаза красной пеленой.

Он посмотрел на фазана. Пережаренная плоть. Бесполезно. Ему нужна была живая теплота.

Белла.

Он чувствовал ее сквозь толщу камня. Чувствовал ритм ее пульса, который ускорялся всякий раз ветер снаружи был слишком громко. Она боялась замка, но этот страх возбуждал ее. Он видел это в расширенных зрачках. Она хотела быть поглощенной. Не съеденной — поглощенной целиком.

Раду смахнул поднос в угол одним ударом руки. Фарфор разлетелся вдребезги. Фазан покатился по шкурам.

— Прочь, — рыкнул он на слугу, метнувшегося собирать осколки.

Оставшись один, он подошел к окну-бойнице. Лунный свет лизнул его лицо. Боль была мгновенной и острой, словно тысячи игл вонзились в кожу. Он отпрянул в тень. Солнце выжигало дотла, оставляя лишь пепел, но лунный свет тоже был пыткой — он вытягивал влагу, делая мертвую кожу пергаментной.

Голод победил боль. Он должен спуститься. Не ради еды. Ради контроля. Нужно увидеть, что эта маленькая художница делает с его разумом.

Арабелла завернулась в тяжелый халат, найденный в сундуке. Ткань пахла можжевельником и чем-то неуловимо мужским — запахом самого Раду. Голова слегка кружилась от вина, которое Илеана оставила вместе с ужином (круг сыра и бокал).

Ей нужно было выйти. За воздухом. Или найти Гертруду. Коридоры Поенаря были лабиринтом. Слуги исчезли, словно растворившись в камне. Держа подсвечник высоко над головой, Арабелла пошла наугад вниз по винтовой лестнице.

Она ошиблась поворотом. Попала в тупик — узкий коридор, заканчивающийся массивной дверью из почерневшего дуба.

За спиной слышались шаги.

Не мягкие, крадущиеся шаги хищника. А тяжелые, размеренные удары каблуков о камень. Тук-тук-тук, как звук метронома.

Фитиль свечи затрещал и едва не погас от порыва ледяного воздуха. На нижних ступенях лестницы возник силуэт.

Луна, заглянувшая в высокое окно позади неё, подсветила фигуру снизу, превращая лицо в маску демона: глубокие тени в глазницах, хищный блеск зубов и два острых белых лезвия клыков, выступивших над нижней губой. Его радужки в темноте потеряли янтарный оттенок, став абсолютно черными озерами.

Его внутренний зверь учуял открытую дверь ванны, влажный аромат женского тела и лавандового мыла. Зверь хотел войти внутрь. Человек остался стоять на ступенях, сжимая кулаки до побелевших костяшек и борясь с желанием прыгнуть.

— Вы заблудились, мисс Уиттакер? — его голос был низким вибрирующим рычанием. — Или что-то ищете?

Арабелла прижалась спиной к холодной двери. Пути назад не было. Между ними оставалось всего десять ступеней. Огонь свечи дрожал, отбрасывая на его фигуру пляшущие тени.

— Я ищу кухню, — голос прозвучал поразительно ровно для женщины, чье горло находилось на уровне глаз вампира. — Ваша прислуга кормит гостей кашей, достойной осады.

Уголок его рта дернулся в жестокой усмешке. Он сделал шаг вверх. Потом еще один. Теперь их разделяла только пустота лестничного пролета.

— В моем доме нет кухни, — процедил он. — Есть только

охотничьи трофеи. Вы голодны, Белла?

Вопрос повис в воздухе, густой и вязкий, как свежая кровь. Он спрашивал не о сыре. Он предлагал себя.

Прежде чем она успела ответить или закричать, он преодолел оставшиеся ступени одним прыжком. Его ладонь легла на дубовую дверь прямо над ее плечом, запирая ее в ловушке собственного тепла. Вторая рука поднялась, и холодный палец коснулся её яремной впадины, чуть оттягивая ворот халата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.